

*Александр
Курленя*

МИРСКАЯ ЧАША

* * *

У нового времени новые точки отсчёта,
Другая система верительных координат:
Что было всего лишь вчера эталоном почёта,
Сегодня в архивную пыль получает мандат.
Как волчий билет, с улюлюканьем, воем, проклятьем
Вручается прошлому грозный и гневный вердикт.
На свалку забвенья, подобно изношенным платьям,
Бросают безжалостно в бозе почивший реликт.
Меж пропастью — два не связуемых жизнью этапа,
Как цепи разорванной два сиротливых звена,
И, как по живому, кромсает ланцет эскулапа
Единое тело с названием одним — времена.
Мы все вопрошаем: откуда берутся вандалы
С циничною желчью и пеною слюнных желёз,
Что чёрною краской нещадно марают анналы
Иных поколений, иных человеческих грёз,
Глумятся над прошлым и молнии мечут упорно
В щемящие раны разорванных душ и сердец,
Которые боль и позор принимают покорно,
От натиска злобного ража устав наконец.
А пропасть всё глубже, огульные краски чернее,
А белые пятна в умах несмышлёных белей.
И чем беспардоннее ложь, тем потеря вернее
Заряда добра и гуманности биополей.
Нам всем не зазорно собрать воедино обломки,
Связав воедино времён неделимую нить,
Спросив у себя, а не будут ли наши потомки
За наше безумье и нашу эпоху бранить?

* * *

Заснул на ходу — опоздал на свиданье с эпохой.
Грешить на кого-то не стоит, скрывая вину
Себя самого, что чутьём заповедует плохо
И в грифе созвучий с веками не строит струну.

Мы время проспали, смеясь над сомнительным бдением
 Людей закордонных за мощной берлинской стеной.
 Проснулись и видим зашоренным бреднями зреньем,
 Что нам суждено переплавиться с жизнью иной.

Готовы ли мы, отвергая отцов идеалы,
 Громя пьедесталы, где гении грустно стоят,
 В котле переплавки эпохи стать новым металлом
 И бросить на время страданий презрительный взгляд?

Здесь Бог не судья, а учитель, помощник, соратник
 Для тех, кто над бездною выбора держит баланс,
 Где слева – и молот, и серп, и гулаговский ватник,
 А справа – телец золотой и свободы аванс.

Что делать? Вопрос для России всегдашний.
 Прогнозы на жизнь нам вещают другие вожди,
 Что проклинали ужас и пафос эпохи вчерашней,
 А сами по ложному вновь зашагали пути.

Мы вновь наблюдаем, давясь изумления вздохом,
 Как рушится храм и бездонный растёт котлован.
 Каким оно будет, свидание с новой эпохой,
 Когда в полусонных глазах пробужденья – дурман?

И нам помолиться б пред светлой манящей дорогой,
 Других не судить, но бегущее время не ждёт.
 И пусть в пробужденье нам совесть пребудет подмогой,
 Идущим под знаменем правды и веры вперед.

* * *

Я люблю эту женщину, Господи!
 Я пред ней в неоплатном долгу,
 Хоть к ногам её звёздные россыпи
 Постелить никогда не смогу.

Не одену в меха соболиные,
 Не осыплю алмазным песком...
 Но за нею дорогою длинною
 По Вселенной пойду босиком

Через чёрные дыры и тернии,
 Через скопище страхов и бед
 По тропинкам, во мраке затерянным,
 И неоновым трассам комет.

И, ступни ободрав астероидами,
 Настрадавшись на Млечном Пути,
 Ей скажу после вечности пройденной:
 – Я пришёл. Я не мог не прийти...

* * *

Не всё деньгами меряется в жизни,
И ты мне не перечь, не прекословь:
Есть дружба, есть служение Отчизне,
Есть долг, и честь,
и совесть, и любовь!

Их не купить и в лавке у менялы
Не заложить под выгодный процент,
Их не измерить на империалы
Ни по какой шкале ни мер, ни цен.

Они сияют златоносной жилой
И выше всех богатств оценены.
За них недаром головы сложили
Отечества достойные сыны.

БОРИС ПАСТЕРНАК

Он весь – ни слова в простоте,
Пред ним мещанский ум бессилён,
Но бьёт на взлётной высоте:
«А ты прекрасна без извилин».
Салат асфальта для тупиц
Недостижимей Аппалачей,
И груши падающих птиц
В февральских лужах – бред собачий.
О высших сферах не туза,
Постичь посредственность не может
Пожар ружейного пыха
И клеветой поэта гложет.
Она ответственна, толпа,
Перед ранжиром и порядком,
И мысли гениева лба
Ей чужды вместе с дерзкой прядкой.
Для обывателя вдвойне
Он – из чужих миров пришелец.
Но вот стихи его извне
Пришли без родовспоможения
Туда, где криками изрыт
Свободный ветер, зол и сладок,
И где слагаются навзрыд
Стихи мудрёнее загадок.
И в окруженье странных муз,
Познав нужду и силу плётки,
Провёз с собой бесценный груз
Он в шестигривенной пролётке.
И на последнем рубеже
Он не запятнан лицедейством,

Хотя, в отвратном неглиже,
Был мир пропитан фарисейством.
Как Гамлет, искренен и горд,
Ушёл он, смерть почтя за благо,
Благословляя держиморд
Перстами доктора Живаго.

* * *

Склони свою голову мне на плечо,
Побудь беззащитной в объятьях опоры
И на ухо слово шепни горячо,
Которое в сердце уладит все споры.

Мы к осени сделали первый шагок:
Хотя ещё жить бы да жить, припевая,
Но волосы тронул неровный снежок, –
И, значит, не будет зелёного мая.

Он был безмятежен, и лето прошло
Такое, что в памяти счастьем осталось.
Мы впрок запасали с тобою тепло
Для зимней поры
под названием старость.

На небо нам рано с тревогой смотреть,
Туда, где квартиры бронирует вечность,
Но первые листики стали желтеть,
И, значит,
не надо вдаваться в беспечность.

Мы тоже однажды в аллее судьбы
С тобой окунёмся в игру листопада,
Не вымолвив праздное слово мольбы,
Проя о возврате цветущего сада.

Пусть будет, что будет. Склони на плечо
Мне голову, будь теплотою согрета,
Порадуйся тайно, что с нами ещё
Не ранняя осень, а позднее лето.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Пахнет смертью в жилище пустынном.
Ветер в окна – холодный и злой.
Старый Рембрандт
с холста мастихином
Соскребаёт испорченный слой.

Недовольный, ворчливый, дотошный,
 Не смилившийся с ложью мазка.
 Вновь упорно он пишет подошвы
 Настрадавшихся ног ходака.
 Вновь рисует согбенную спину,
 Ощутившую тяжесть грехов,
 Чтоб последнюю в жизни картину
 Отослать по дороге веков.
 День и ночь он творит неусыпно,
 Над библейскою притчей корпя,
 В «Возвращении блудного сына»
 О превратностях жизни скорбя.
 Опływают горящие свечи,
 Воск, как слёзы из гнойных глазниц.
 Грешный сын, ты пришёл издалече,
 Из объятий распутных блудниц.
 Ты пришёл, не надеясь на ласку,
 Потерявший дорогу назад,
 Но к тебе без брезгливой опаски
 Потянулся отеческий взгляд.
 Над тобой – умиленные руки
 И лица всепрощающий свет...
 Как вы, краски – художника слуги –
 Понимаете Новый Завет!
 Наливается в тело усталость,
 Смертным одром темнеет кровать.
 Одинокая скорбная старость –
 Время камни свои собирать.
 И, окинувши лет расстояние,
 В блудном сыне себя не тая,
 Он картиной пришёл к покаянью,
 Возвратившись на круги своя.

САД КАМНЕЙ

А есть ли он, пятнадцатый? Вопрос,
 Ответить на который невозможно:
 И да, и нет – всё будет скрытой ложью
 В Саду камней.

Вот так же думал юноша-монах,
 Впиваясь взглядом в чёрное на белом,
 И мучила душа худое тело
 В Саду камней.

Зачем пришёл ты, юноша, сюда
 И ищешь зорким взглядом невидимку,
 Кругами ходишь с мыслями в обнимку
 В Саду камней?

Что за загадка мучает тебя,
 Когда ты смотришь в гениальный хаос,
 И на неё найти ответ пытаешься
 В Саду камней?

– А как звучит хлопок одной руки?
 Хлопок двумя руками всякий слышит...
 Но тишиной гранит безмолвный дышит
 В Саду камней.

Ответ искал он в шорохе ручья,
 И в песнях гейш, и в лёгком свисте ветра,
 В слезах совы, но получил ответ он
 В Саду камней.

– Да это же звучанье тишины! –
 Догадка, равнозначная прозренью...
 Вот так пришло к монаху озаренье
 В Саду камней.

Пятнадцатый он тоже не нашёл.
 А может быть, не в камне сила сада,
 А в человеке с философским взглядом
 В Саду камней?

Не мни себя ни мудрым, ни глупцом,
 Признай в ином другую точку зренья,
 И ты постигнешь чудо озаренья
 В Саду камней.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

9 июня был акт. Мы плакали, и
 государь прослезился.

И. Пуцин

Зрел по часам июньский день.
 Стремилось время в бесконечность,
 А на парадную ступень
 Вбегала юная беспечность.
 И выпуск, стянутый сукном
 Мундиров, сшитых по заказу,
 Жил в измерении ином
 По высочайшему указу.
 Уже получены чины
 И сладкой негой сердце сжали,
 И мнят дворянские сыны
 Себя великими мужами.

И перспективы впереди
 На счастье, славу и богатство,
 Но что-то ёкнуло в груди
 У впечатлительного братства.
 И, слёз высоких не тая
 От чувств, скопившихся в излишке,
 Не постеснявшись и царя,
 Они расплакались, мальчишки.
 Они – надежда, и краса,
 И гордость будущей России,
 Не пряча влажные глаза,
 Слезами юность оросили.
 Учиться властвовать собой
 Им предстоит теперь в разлуке,
 Мужать, встречая жизнь борьбой,
 И помнить дружеские руки.
 Теперь Отечество и Бог
 Их за дела и думы спросят,
 И государь к глазам платок
 С монаршей важностью подносит.
 Не знал он, статен и велик,
 Что рядом, музою помазан,
 Тот, кто за дерзостный язык
 Им будет ссылками наказан.
 Кто, пронеся нелёгкий груз
 Судьбы со многими грехами
 Прославит свой лицейский курс
 Непревзойдёнными стихами.
 А тот в растроганном строю,
 Потомок севера и юга,
 Склоняет голову свою
 На грудь рыдающего друга.

* * *

Не знаю, от Бога ли это,
 От маминого ль молока,
 Но слышу я ухом поэта,
 Как музыки льётся река.
 То в грозном потоке бурлива,
 То в плавном теченье тиха,
 Она – благодатная нива
 Для чуда рожденья стиха.
 И чуткой душой меломана
 Напрягшись, я слышу в бору,
 Что сосны, как трубы органа,
 Звучат на осеннем ветру.
 В их дружном чарующем строе
 Все страстные ноты верны
 Симфонии жизни героев
 И гимну великой страны.

А в скорости буйного ветра,
 Что вёснами властвует всласть,
 Я слышу восторженность Фета
 И Пушкина пылкую страсть.
 В озёрном осоковом хрусте
 Я слышу, у берега сев,
 Октавы есенинской грусти,
 Некрасовской думы напев.
 Под отблески яркой зарницы
 Средь травного моря полей
 Я слышу аккорд кобылицы
 На струнах седых ковылей.
 И пусть дарованием слуха
 В поэзии русской не Блок,
 Ловлю я мембраною уха
 Реки стихотворной поток.
 Под сводами сонного сада,
 Сливаясь с ночной тишиной,
 Я слышу минор звездопада,
 Как реквием жизни земной.
 А утром средь шума и гама,
 Чем хаос окружи сильнее,
 Я слышу мажорные гаммы
 Симфонии будущих дней.
 И нотные чувствуя темы
 В полуночной гулкой тиши,
 Могу я оформить в поэмы
 Природную запись души.
 В ходьбе от начал до итога
 Познал я одно из чудес:
 Всё в мире от мамы и Бога,
 И музыки мудрых небес.

* * *

Летит Земля накатанной орбитой,
 Седьми океанами омыта,
 Свой по Вселенной совершая бег.
 На ней, слагая летопись формаций,
 Живёт дитя земных цивилизаций –
 Разумный современный человек.
 Он видит землю с плоскости и с неба,
 Он жаждет счастья, мира,
 зрелищ, хлеба,
 В противоречьях двигаясь вперед.
 Он раздвигает время и пространство,
 Он страстно ненавидит постоянство
 И собственные клоны создаёт.
 Он позабыл о Ноевом ковчеге,
 Он совершает буйные набеги

Скворцы сновали деловито,
Гудели пчёлы и шмели,
А копачи мастеровито
Ровняли крест и холм земли.

И, сдвинув кепки на затылки,
Как записные алкаши,
Глотали водку из бутылки
За упокой её души.

Трепал на глине ветер розы,
Толпа редела, расходясь,
Сушил июнь мужские слезы,
На силу зноя не скупясь.

С тех пор источники иссякли,
Хоть жизнь нет-нет да и припрёт,
Как будто выплакал до капли
Я слёзы на сто лет вперёд.

МИРСКАЯ ЧАША

Мирская чаша движется по кругу,
И, на спиралях свой отмерив срок,
Сменяют поколения друг друга,
Беря сосуд, что дал для смертных Бог.

Не заслонить уста рукою крепкой,
Не отвернуть в смятении лица:
Придётся всем судьбы напиток терпкий
Испить из страшной чаши до конца.
И что внутри окажется, не знают
Ни те, кто пьёт, ни тот, кто подаёт.
И яд, и желчь, и пот, и кровь бывают,
Бывают молоко, вино и мёд.
Кому какой достанется напиток,
Такой и будет линия судьбы:
Одним – скитанье вечное кибиток,
Другим – бесславье суетной борьбы.
А третьим –

смерть на жизненном пространстве
Среди достойно выживших племён...
Страшна она в своем непостоянстве,
Мирская чаша – детище времён!
Уйдут эпохи, канут в лету эры, –
И состоится снова тайный пир,
И будет влагу с трепетною верой
Вливать в себя притихший новый мир.
Всевышний никому не даст прогноза,
Но даст испить мирскую чашу вновь.
Одни хлебнут мучения и слёзы,
Другие – счастье, славу и любовь.

Петропавловск

Александр Юрьевич Курленя, поэт и публицист, родился в 1958 году в городе Петропавловске. По образованию – педагог. Работает директором школы с 1992 года. Тогда же начали появляться в печати его стихи, публицистические и литературоведческие статьи. Публиковался в журналах «Нива», «Простор», «Аманат», «Невский альманах», «Провинция», «Литературное Приишимье». Дипломант республиканского конкурса «Сорос-Казахстан-дебют» (1996) и вошёл в антологию молодых поэтов Казахстана. Соавтор многих коллективных сборников, автор книги «И верю я голосу свыше» (2010) и двухтомника «Свидание с эпохой», (2017), вышедших в издательстве «Северный Казахстан». Председатель Северо-Казахстанского областного общества славянской культуры «Лад».

